

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

РАЗВОД В 45.
Лишняя жена
ГЕНЕРАЛА

Виолетта Весна

**Развод в 45. Лишняя
жена генерала**

«Автор»

2026

Весна В.

Развод в 45. Лишняя жена генерала / В. Весна — «Автор», 2026

На свадьбе дочери мне досталось место за четвертым столом. Рядом с моим мужем сидела его любовница. Я еще пыталась улыбаться. А потом Алиса попросила меня отойти, чтобы сделать семейную фотографию. Двадцать четыре года я была женой генерала. Помнила даты, собирала вещи перед переездами, знала, когда лучше промолчать. Дочь тоже привыкла, что мама поймет. Особенно если предупредить ее последней. В тот вечер я уехала к подруге. Потом забрала документы, одежду и швейную машинку. С машинкой помог Андрей — человек, который дружил с моим мужем тридцать лет. Я могла спокойно попросить его поднять тяжелую коробку. А вот согласиться на свидание оказалось страшно. В сорок пять я вдруг снова долго выбирала платье, ждала звонка и терялась, когда мужчина касался моей руки. Мы с Виктором успели развестись. Но он все еще называл меня своей женой. Особенно при Андрее.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Семейная фотография	5
Глава 2. Только свои вещи	15
Глава 3. Цена моего времени	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виолетта Весна

Развод в 45. Лишняя жена генерала

Глава 1. Семейная фотография

На карточке возле моего мужа стояло чужое имя.

Я успела подумать, что перепутала стол. За моей спиной официант пронес поднос с запотевшими бокалами; на белую скатерть упала холодная капля, и я машинально отодвинула от нее салфетку. Потом еще раз прочитала: «Софья Руднева».

Имя было напечатано теми же золотыми буквами, что и остальные. Алиса выбирала этот шрифт у меня на кухне, пила чай из синей чашки и говорила, что обычный курсив выглядит дешево.

— Наталья Сергеевна? — Девушка в бежевом костюме остановилась рядом. На лацкане поблескивал значок распорядителя. — Вам помочь?

Я показала на карточку.

— Здесь должна сидеть я.

Она заглянула в планшет. Улыбка осталась, но стала старательной.

— Минуточку. Воронцова... Да, у вас четвертый стол. Возле окна, очень хорошее место. Я провожу.

У родителей был второй стол. Это я помнила точно: еще в среду Алиса просила проверить схему, чтобы бабушка Дениса не оказалась под кондиционером. На схеме мои имя и фамилия стояли рядом с Виктором, напротив матери жениха.

— А когда это изменили?

— Вчера вечером уточнили рассадку.

Девушка уже не смотрела мне в глаза. По тому, как она прижала планшет к груди, я поняла: либо она знала, либо сейчас догадалась. Мне стало неприятно за нас обоих.

— Спасибо. Я найду.

Через высокие окна ресторана «Берег» было видно воду. С утра на Волге ходили серые полосы, я боялась дождя, но к обеду распогодилось. На пристани люди фотографировались; мальчик в красной кепке пытался привязать воздушный шар к пакету с булочками. Я смотрела на них дольше, чем следовало, а потом разгладила ладонью платье.

Сливовый креп я купила еще зимой. В магазине ткань казалась темной, почти траурной, но дома у окна ожила. Я убрала лишнее по спинке, подняла плечевой шов на четыре миллиметра, изменила вытачки. Сегодня утром Алиса сказала: «Мам, тебе очень идет». И я поверила, что этот день мы все-таки проживем.

Две недели назад, шестнадцатого мая, Виктор сел напротив меня на кухне. Не разулся, хотя я только что вымыла пол. Я запомнила это раньше, чем его слова.

— У меня другая женщина, — сказал он.

Чайник шумел. Я выключила его, так и не дав закипеть.

— Давно?

— С осени. С сентября.

Восемь месяцев уместились между солонкой и его ключами от машины. Я спросила имя, возраст, знает ли она, что он женат. Он отвечал ровно, будто мы обсуждали чужую неприятность, которую следовало урегулировать без лишнего шума.

— До свадьбы осталось две недели, Наташа. Давай хотя бы ради Алисы...

Тогда я согласилась только на одно: не говорить об этом гостям и не устраивать объяснений во время торжества. Спать стала в маленькой комнате, где лежали ткани и стояла моя машинка. По ночам считала шаги до ванной, чтобы не встретиться с ним в коридоре.

— Ее на свадьбе не будет? — спросила я в тот вечер.

Он поморщился.

— Конечно, не будет. За кого ты меня принимаешь?

Теперь Софья стояла возле стойки с бокалами. Я узнала ее сразу, хотя раньше видела только маленькую фотографию в открытом телефоне Виктора. Тогда он не стал ни прятать аппарат, ни показывать мне снимок — просто оставил экран гореть.

На ней было светлое, цвета теплого песка платье, на запястье тонкий браслет. Она что-то тихо сказала Виктору; тот наклонился, чтобы услышать. Так близко он в последнее время подходил ко мне только для того, чтобы взять из шкафа чашку над моей головой.

Из-за соседнего столика его окликнули: «Товарищ генерал, идите к нам!» Виктор поднял ладонь, обещая подойти. Генерал-майором в отставке он стал два года назад; знакомые по-прежнему говорили с ним чуть громче и почтительнее, чем друг с другом. Я видела их заинтересованные взгляды, обращенные теперь к Софье, и медлила сделать последние несколько шагов.

Я двинулась к ним. Виктор заметил меня первым, выпрямился, придержал Софью за локоть. Не обнял, но и руки не убрал.

— Наташа.

— Ты обещал.

Софья перевела взгляд с него на меня. Улыбаться она не стала.

— Мы сейчас не будем это обсуждать, — сказал Виктор. — Хорошо?

Он поправил манжет. Я знала этот жест: застежка уже была на месте, дело было не в ней.

— Почему я сижу за другим столом?

— Так удобнее.

— Кому?

К нам подошла мать Дениса, Лариса Олеговна, с белым цветком, зацепившимся за шаль. Она начала говорить о прекрасной регистрации, остановилась на полуслове. Я сняла цветок, подала ей. Она поблагодарила и сразу спросила, не холодно ли мне у окна.

Значит, схема была известна всем, кому полагалось ее знать.

— Мама! — позвала Алиса. — Идите, пожалуйста, на фотографии. Мы и так задержались.

Она стояла у цветочной арки рядом с Денисом, придерживая юбку. Платье я не шила, только переделывала: салонный размер хорошо сел в талии, но отставал у груди. Три вечера я убирала миллиметры, а дочь смотрела в зеркало и боялась показаться слишком полной. Сейчас она была красивой, светлой, совершенно взрослой. Увидев меня, она на мгновение прикусила нижнюю губу.

Фотограф, молодой мужчина с красным ремнем камеры, скомандовал:

— Сначала большая семейная. Родители поближе к ребятам. Дедушка, вас попрошу чуть левее, там свет лучше.

Я встала рядом с дочерью. Она пахла пудрой и теми духами, которые мы с Виктором подарили ей на день рождения. Слева заняла место Лариса Олеговна. Виктор подошел с другой стороны вместе с Софьей.

— Девушка в бежевом, подойдите к мужчине, — сказал фотограф. — Иначе вас перекрывает букет.

Софья сделала шаг. Ее ладонь легла на предплечье Виктора.

Алиса едва заметно потянула меня за руку.

— Мам, отойди пока, ладно? Мы с тобой отдельно снимемся.

Я не поняла. Вернее, поняла сразу, но все еще ждала другого объяснения.

— Зачем?

— Ну, сейчас вот так. А потом со мной и с Денисом.

Фотограф опустил камеру.

— Можем сделать несколько вариантов, никаких проблем.

— Именно, — сказал Виктор. — Наташа, не задерживай людей.

За аркой тихо стукнули приборы. Кто-то из гостей повернулся к окну. Бабушка Дениса, маленькая, с неподвижной спиной, перестала поправлять на шее нитку жемчуга. Не было ни смеха, ни шепота, который я могла бы разобрать. От этого происходящее казалось еще явственнее.

Я посмотрела на дочь.

— Ты знала, что она придет?

— Мам.

— Алиса. Знала?

Она сжала букет так, что хрустнула бумага вокруг стеблей.

— Да. Только давай не сейчас.

Виктор вздохнул — тяжело, с досадой. Будто я опять неверно выбрала время спросить, когда он вернется к ужину.

Я убрала руку с локтя дочери.

— Хорошо. Снимайтесь.

И отошла.

Сделать это оказалось физически трудно. Каблук провалился в мягкий стык ковра, я качнулась и почти схватилась за стойку с цветами. Денис протянул руку, но я уже выровнялась. Его ладонь осталась в воздухе. Потом он опустил ее.

— Наталья Сергеевна... — начал фотограф.

— Все в порядке. Продолжайте.

Я услышала собственный голос и рассердилась на него. Даже сейчас он помогал постороннему человеку не чувствовать себя виноватым.

На четвертом столе мое имя лежало между Викторовой двоюродной сестрой и соседкой Ларисы Олеговны. Соседка при виде меня поспешно подвинула стул. Она улыбалась от души и, кажется, ничего не заметила.

— Садитесь, мы вас заждались. Какая у вас красавица!

— Да, — сказала я. — Красавица.

Я забрала сумку, которую утром отдала распорядительнице. Девушка вынесла ее из подсобки и помогла снять с вешалки мое легкое пальто. Вопросов она не задавала.

За моей спиной фотограф снова попросил улыбнуться.

В узком коридоре перед туалетами пахло жидким мылом и пышными пионами: две вазы поставили здесь, потому что в зале им не хватило места. Я остановилась у окна, попыталась расстегнуть сумку и поняла, что не попадаю пальцами в замок.

— Мам, ну что ты делаешь?

Алиса шла быстро, подбирая юбку. На лице выступили розовые пятна, как в детстве, когда она ссорилась и заранее знала, что заплачет. Я едва удержалась, чтобы не сказать: не три глаза, потечет тушь.

— Я уезжаю.

— Куда? Мы даже за стол еще не сели.

— К Оле. Если она дома.

— Господи, зачем посвящать всех?

Дочь обернулась, проверяя, не идет ли кто-то следом. В зале микрофон гулко щелкнул; ведущий объявил, что через пять минут молодых пригласят к первому тосту.

Я положила сумку на подоконник. Руки начали слушаться.

— Когда ты узнала, что Софья придет?

— Какая разница?

— Мне есть разница.

Алиса посмотрела в окно. На парковке мужчина поправлял у зеркала машины галстук. Наша дочь следила за его руками, пока наконец не сказала:

— Неделию назад. Папа позвонил и объяснил...

— Что именно?

— Что вы все уже решили. Что вы расходитесь и он имеет право приходить с кем хочет.

— А ты не могла спросить меня?

— Я спрашивала!

— Ты спрашивала, заберу ли я торт в пятницу. И не забыла ли купить шпильки.

Она отвернулась. На затылке блеснул гребень с мелкими жемчужинами. Я сама закрепила его час назад, перед банкетом, когда одна шпилька выпала в машине.

— Я не хотела в это лезть, — сказала дочь.

— Ты поменяла рассадку.

— Папа попросил. Он сказал, вы с ним не сможете сидеть рядом. Я думала, тебе самой будет лучше подальше.

Я устала даже удивляться. Мне вдруг захотелось сесть прямо на подоконник, снять туфли и спросить дочь, как же она выросла так быстро, что я не заметила, в какой момент ей стало проще поверить отцу, чем поговорить со мной.

Вместо этого я спросила:

— Ты давно о них знаешь? Не про свадьбу. Вообще.

Алиса провела ногтем по ленте букета.

— С февраля.

Я взялась за край подоконника. Пластик был теплым от солнца.

В феврале мы ездили выбирать ей свадебные туфли. Виктор дал нам машину, а сам сказал, что будет на заседании. Дочь дважды отходила отвечать на звонок. Один раз я спросила: «Денис?» Она кивнула.

Может быть, это действительно был Денис. Я уже не знала, каким воспоминаниям можно доверять.

— Он сказал, ты в курсе, — торопливо добавила она. — Что вы давно просто живете вместе.

— А две недели назад? Когда я плакала у тебя на кухне?

Она подняла глаза. Я не отвела своих.

— Я думала, ты привыкнешь. Ну... что вам все равно придется встречаться. На днях рождения. Потом еще... Мы же семья.

— И поэтому сегодня я должна была отойти?

— Ты же сама согласилась не устраивать скандал!

Слова прозвучали слишком громко. Из женского туалета вышла незнакомая мне женщина в зеленом платье. Она замедлила шаг, но тут же поспешила к залу. Алиса прижала букет к животу.

— Мам, пожалуйста. Пойдем. Я скажу фотографу, он сделает сколько хочешь снимков. И место тебе поменяю. Хочешь, сядь прямо возле меня.

Я смотрела на ее открытые плечи. На левом была крошечная родинка. Когда Алисе было четыре, она уверяла, что это кнопка и, если нажать, она станет роботом. Я нажимала, а дочь ходила по кухне, вытянув руки, и требовала машинным голосом макароны.

Эта память не помогала. От нее было хуже.

— Я не смогу сейчас сидеть за столом, — сказала я.

— А я как смогу? Все будут спрашивать, где моя мама. Папа уже нервничает. У него и так столько расходов, он нам квартиру собирается покупать. Ты не можешь хотя бы один день...

Она осеклась.

— Что квартира? — спросила я.

— Ничего. Я не это хотела сказать.

— Он обещал тебе квартиру за то, что ты пригласишь Софью?

— Нет! Мам, ну как ты можешь? Он просто хочет, чтобы у нас все было хорошо. Чтобы без войн. И жилье свое.

Я вспомнила, как Виктор говорил: «Свадьбу проведем достойно». Для него достойно означало, что официанты вовремя меняли тарелки, гости не видели заминок, а лишние люди умели вовремя отойти.

— Я желаю вам хорошей жизни, — сказала я. — Вам с Денисом. Правда желаю. Но сегодня я уеду.

Дочь закрыла глаза.

— Ты мне этого никогда не простишь?

Ответа у меня не было. Я не собиралась выдумывать его ради того, чтобы ей стало легче.

— Сегодня я не могу об этом говорить.

Я достала конверт и протянула ей.

— Тут не деньги. Письмо. Я написала вчера. Прочитаешь потом.

Она не взяла. Я положила конверт на подоконник.

— Я люблю тебя, — сказала я. — Это не изменилось.

— Тогда останься.

В зале заиграла музыка. Алиса стояла так близко, что я могла поправить прядь, выбившуюся из прически. Я почти подняла руку, но вместо этого взяла сумку.

— Не сегодня.

Я прошла мимо нее к выходу. В зеркале у гардероба успела увидеть женщину в сливовом платье, с аккуратными волосами и совершенно неподходящим к празднику лицом. В сорок пять лет я впервые уходила с семейного торжества раньше, чем вымоют последнюю тарелку. И единственное, о чем могла думать в эту минуту: не упасть на лестнице.

У дверей кто-то говорил по телефону. Я различила знакомое «с понедельника, Павел, не раньше», но не подняла головы. В маленьком холле было прохладно; воздух из кондиционера коснулся мокрой шеи, и меня передернуло.

— Наташа?

Андрей Лавров убрал телефон в карман. На свадьбу он пришел в темном костюме, без галстука. С годами ему перестали подходить строгие воротнички — не потому, что он располнел, а потому, что я привыкла видеть его в свитерах, с закатанными рукавами, за делом.

— Ты куда собралась?

— Домой.

Слово вырвалось прежде, чем я подумала, какой адрес сейчас имею в виду.

Он взглянул на сумку, потом на мое лицо. В зале объявили фамилии свидетелей, раздались аплодисменты.

— Плохо себя чувствуешь?

— Нет. Да. Я уезжаю, Андрей.

Он не стал переспрашивать. Только придержал тяжелую стеклянную дверь и вышел следом.

На крыльце было слишком светло. Я полезла за телефоном, обнаружила в сумке футляр от очков, пудреницу, пустую упаковку от пластыря — утром заклеивала Алисе пятку. Телефон лежал в боковом кармане, куда я положила его сама, и все равно не находился.

— Такси вызвать? — спросил Андрей.

Я наконец достала аппарат. На экране была наша с дочерью фотография: прошлое лето, дача, Алиса целует меня в щеку, а я смеюсь, отмахиваясь от осы. Я ткнула в список контактов и промахнулась.

— Я отвезу, — сказал Андрей. — Не пил. Машина здесь.

Мне захотелось отказаться. Одного свидетеля сегодняшнего унижения было уже слишком много, а Андрей знал Виктора дольше, чем я. На наших семейных обедах они вспоминали девяностые, спорили о вещах, в которых я не разбиралась, и заканчивали один и тот же анекдот разными словами. Он был человеком из жизни моего мужа.

— Тебя будут искать.

— Напишу, что уехал.

— Виктору?

Андрей чуть нахмурился.

— Могу Денису. У меня есть его номер.

Я посмотрела на телефон. Оля была третьей в списке последних звонков. Вчера мы спорили, какие серьги мне надеть. Она требовала длинные, я упрямылась и выбрала маленькие жемчужные. Сейчас застежка одной из них больно впивалась в мочку.

Оля ответила почти сразу.

— Ну что, уже плачете над первым танцем?

Я открыла рот и не смогла произнести ни слова.

— Наташ?

— Ты дома?

Веселость исчезла из ее голоса.

— Да.

— Можно к тебе?

— Приезжай. Что случилось?

— Потом расскажу.

— Хорошо. Я дома. Никуда не уйду.

Я отключилась, назвала Андрею адрес. Он кивнул и показал на серую машину у дальнего края стоянки.

В двух шагах от нее я вдруг остановилась.

— Подожди. Я не попрощалась с Ларисой Олеговной.

Андрей посмотрел на меня с таким искренним недоумением, что я едва не засмеялась.

— Можно позвонить ей позже.

— Да. Конечно.

Он открыл дверцу, но не помогал мне садиться. За это я была ему благодарна: любое прикосновение сейчас могло окончательно развалить то немногое, что еще держалось.

В машине пахло кожей, мятными леденцами и чуть-чуть пылью. На заднем сиденье лежала свернутая куртка, под ней торчал край чертежного тубуса. У ног оказался бумажный стаканчик; Андрей быстро убрал его и извинился.

— Не готовился никого возить.

— Я тоже не готовилась.

Он завел двигатель и несколько секунд не трогался с места.

— Музыку оставить?

— Выключи, пожалуйста.

Мы выехали со стоянки. Я смотрела перед собой, стараясь не замечать в боковом зеркале светлые окна ресторана. Сумка стояла у меня на коленях; я обеими руками держала ее за ручки, как в автобусе.

— Ты видел женщину рядом с Виктором? — спросила я, когда ресторан исчез за поворотом.

Андрей не сразу ответил.

— Видел. Он представил ее перед банкетом.

— И что сказал?

— Что вы решили разойтись.

— А про свадьбу?

— Ничего. Наташа, я не знаю, что произошло.

Я повернула голову. У него были коротко подстриженные волосы с сединой у висков, привычная складка между бровями. За столько лет я ни разу не рассматривала его вблизи без необходимости что-нибудь спросить или передать. Теперь мне нужно было понять, лжет ли он из вежливости.

— Он обещал, что ее не будет, — сказала я. — Сегодня. Только сегодня. Я не просила его ни возвращаться, ни выбирать меня. Я просила дать мне побыть на свадьбе дочери.

На светофоре Андрей убрал руку с рычага передач. Посмотрел на меня.

— Понятно.

— Нет, не все. Они сфотографировались. Семей. А мне Алиса сказала отойти.

Я произнесла это без слез. От такой точности фраз стало страшно: будто я диктовала заявление о том, что произошло с другой женщиной.

— Я вышел звонить, — сказал Андрей. — Я не видел.

— Ты не обязан был видеть.

Загорелся зеленый, и он снова посмотрел на дорогу. Я ждала привычного «не принимай близко», «у него сейчас такой период», «Алиса просто переволновалась». Когда ничего этого не последовало, я вдруг смогла немного разжать пальцы.

— Можно открыть окно?

Он опустил стекло. В машину вошел запах нагретого асфальта. На тротуаре мальчик держал мать за руку и волочил за собой самокат; она шла быстро, а он старательно наступал на каждую вторую плитку. Я проследила за ними, пока они не скрылись за автобусом.

— Двадцать четыре года, — сказала я. — Знаешь, я сегодня утром еще спросила, не забыл ли он таблетки от давления.

Андрей молчал.

— Они у него в маленькой коробочке, в верхнем ящике. Я приготовила заранее, потому что он собирался с утра и мог забыть. А он сказал: «Не суетись, Наташа».

Теперь я засмеялась. Смешного в этом не было, и Андрей не поддержал. Он только повернул поток воздуха в сторону от меня.

— Есть салфетки? — спросила я.

Он протянул пачку из дверного кармана. Я прижала одну к глазам, осторожно, чтобы не растереть тушь. Через секунду поняла, что сохранять уже нечего, и вытерла лицо как следует.

— Прости, — сказала я.

— За что?

Я не нашлась что ответить. За платье, слезы, испорченную поездку, за то, что он теперь вынужден знать подробности, с которыми ему придется садиться за один стол с другом. Список получался слишком длинным и странным.

Оля жила на третьем этаже кирпичного дома с узким двором. Когда Андрей остановился, она уже стояла у подъезда в домашних брюках и босоножках, держа в руке связку ключей.

— Сумку донести? — спросил он.

— Она легкая.

Я отстегнула ремень, потом задержалась.

— Спасибо. За то, что не стал меня возвращать.

Он посмотрел через лобовое стекло на Олю.

— Ты же сказала, куда тебе нужно.

Это прозвучало так обыкновенно, что я кивнула и вышла. Ноги затекли, хотя ехали мы недолго.

Оля обняла меня прежде, чем я успела что-нибудь объяснить. Я уперлась лбом ей в плечо. Над ее головой Андрей коротко кивнул; машина отъехала, а подруга ничего не спрашивала до самой квартиры.

— Сначала снимай обувь, — сказала она. — Потом остальное.

На полу в прихожей стояли ее клетчатые тапочки. Я сунула в них ноги и почувствовала, как болезненно расправились пальцы.

Олина квартира была маленькой, со стеллажами в каждой комнате. В детстве я любила приходить к ней за книгами; теперь она руководила книжным магазином и приносила домой экземпляры с помятыми обложками, которые никто не хотел покупать. На кухонном столе лежал роман с закладками из кассовых чеков, рядом остывал пирог в форме.

— С капустой, — предупредила Оля. — Не морщись. Я не знала, что у меня сегодня банкет.

При слове «банкет» она осеклась, но я уже садилась на стул.

— Мне не хочется есть.

— Тогда чай. Или воду.

— Воду.

Она поставила передо мной большой стакан, сама села напротив. Я рассказала все с самого начала, начиная с карточки. До этого мы обсуждали с ней признание Виктора, мои ночи в маленькой комнате, свадьбу. Оля требовала, чтобы я приехала к ней сразу после шестнадцатого мая, а я отвечала, что нужно подготовить Алисе платье и закончить дела.

Сейчас подруга ни разу не произнесла «я же говорила». Только встала посреди рассказа, отрезала два куса пирога и положила один передо мной.

— Она знала с февраля, — сказала я.

Оля медленно опустила нож.

— С февраля?

— Да.

Мы помолчали. В соседней квартире кто-то сверлил стену: коротко, нетерпеливо, словно пробовал, правильно ли попал. Я уставилась на желтый край капустной начинки.

— Я все время думаю, что должна была остаться, — призналась я. — Не для Виктора. Для нее. Один день в жизни.

— У тебя он тоже один.

Оля сказала это без нажима, но я почувствовала, как в горле снова собираются слезы.

— Только не начинай меня жалеть.

— Я сейчас собираюсь тебя переодеть. Ты сидишь так, будто платье взято напрокат и залог невозвратный.

Я посмотрела на свои колени. Действительно: держала их вместе, ладони положила сверху, спину не прислонила к стулу. В таком положении я обычно встречала у нас гостей, когда не успевала сесть по-настоящему между кухней и столовой.

В комнате Оля дала мне длинную футболку и мягкие брюки. Помогла расстегнуть молнию на спине. Платье тяжело скользнуло вниз, и я увидела у подола светлую пыль: должно быть, задела ступеньку возле ресторана.

— На вешалку, — сказала я. — Пожалуйста. Оно мнется.

Оля взяла платье, аккуратно расправила плечи. И именно тогда я заплакала как следует — не над столом, не сквозь слова, а захлебываясь и хватая воздух. Подруга стояла рядом с моей красивой одеждой в руках, и я никак не могла остановиться.

Она повесила платье на дверцу шкафа, обняла меня, посадила на диван. Я плакала о том, что не увидела первого танца. О том, что Алиса наверняка улыбается на фотографиях, где меня нет. О том, что завтра придется вернуться домой за зубной щеткой, бельем, документами, и Виктор спросит, зачем я устроила такую демонстрацию.

И еще о глупом: я не посмотрела, как разрежут торт, который дважды ездила пробовать и сама забирала из кондитерской. На нем должны были быть белые цветы из крема. Алиса их очень хотела.

Телефон завибрировал на столе. Оля посмотрела на экран.

— Виктор.

— Дай.

Она протянула аппарат, не споря. Я вытерла нос бумажным платком и ответила.

— Ты где? — спросил муж.

Из трубки доносилась музыка, приглушенная, будто он стоял за дверью.

— У Оли.

— Зачем ты уехала? Все спрашивают. Алиса расстроена.

— Я сказала ей, что уеду.

— Ты не могла потерпеть три часа?

Я посмотрела на платье. На том месте, где ткань облегла талию, теперь висела пустота.

— Не могла.

Он замолчал. Такого ответа он, кажется, не ожидал: без объяснений, без попытки доказать, что мне тоже было больно.

— Ладно, — сказал он наконец. — Успокойся. К вечеру вернешься? Надо поговорить.

— Сегодня я останусь здесь.

— Наташа, не надо втягивать посторонних.

Оля сидела рядом, поджав ногу. На колене у нее была старая заплатка, которую когда-то пришила я. Я посмотрела на эту заплатку и сказала:

— Я останусь здесь. Завтра заберу вещи.

— Какие вещи?

— Свои.

Виктор выдохнул. Я знала, что дальше он понизит голос, как делал, когда считал собеседника слишком возбужденным для разумного разговора.

— Давай без театра. Мы же взрослые люди.

— Да, — сказала я. — Мы взрослые. До завтра.

Я закончила звонок и сразу испугалась. Не самого разговора, а тишины после него. Двадцать четыре года я могла обидеться, отвернуться, уйти в другую комнату, но всегда знала, что вернусь: у нас был дом, дочь, общие полотенца в ванной, список покупок на холодильнике. Сейчас мне предстояло решить, что из этого еще мое.

— У тебя есть лишняя зубная щетка? — спросила я.

Оля поднялась.

— Две. Мне в магазине перед Новым годом подарили набор. Очень литературный подарок, до сих пор благодарна.

Я фыркнула и снова вытерла лицо. Подруга ушла в ванную, загремела ящиком. Я осталась на диване, в чужой футболке, с горячими опухшими глазами.

Вечером мы все-таки съели пирог. Потом Оля постелила мне на раздвижном диване в маленькой комнате, убрав с подушки стопку книг. Под наволочкой обнаружился карандаш. Она удивилась, будто карандаш мог прийти туда сам, и пообещала поискать его товарищей.

Мне хотелось помочь убрать со стола, вымыть чашки, хотя бы сложить плед. Я помыла две тарелки; чашки Оля убрала сама, пока я чистила зубы. В маленькой комнате она включила настольную лампу и оставила дверь приоткрытой.

Я легла рано. За окном еще не стемнело; двор был полон детских голосов, кто-то учил ребенка ездить на велосипеде и повторял: «Смотри вперед, вперед смотри». В темном стекле книжного шкафа отражалась лампа.

Телефон коротко дрогнул под ладонью.

От Алисы пришло сообщение: «Мама, ты все-таки испортила мне праздник. Я не думала, что ты так можешь».

Я прочитала его дважды. Напечатала: «А ты не думала, каково мне?» Стерла. Напечатала: «Прости». Посмотрела на это слово и тоже стерла.

Из кухни Оля спросила, выключать ли свет в коридоре.

— Выключай, — ответила я.

Телефон я положила экраном вниз на томик Чехова. Утром нужно было ехать за своими вещами.

Глава 2. Только свои вещи

Утром я долго не могла понять, почему шкаф стоит у другой стены.

Потом увидела на дверце шкафа сливовое платье, вспомнила и закрыла глаза. На диване было жестко; подушка пахла Олиным порошком. За окном кричали воробьи, по трубам шумела вода. Ничего особенного в мире не произошло — просто наступило воскресенье.

На кухне Оля разговаривала сама с собой. Так она делала, когда что-нибудь искала.

— Крышка, конечно. Самое подходящее место для крышки — там, где ее нет.

Я вышла босиком. Подруга стояла перед открытым шкафом с банкой кофе в руках.

— За чайником, — сказала я.

Она посмотрела и нашла.

— Живи у меня. Ты окупилась за восемь часов.

Я улыбнулась, но тут же спросила:

— Оль, это правда можно? До двадцать пятого июня.

Она поставила банку на стол.

— Садись. Сейчас поговорим нормально.

Я села на вчерашнее место. На кухне было тесно: когда Оля открывала холодильник, я должна была поджимать ноги. Два взрослых человека, две кружки, лишние вещи — почти месяц такой жизни не мог быть пустяком.

— Квартиранты раньше не съедут? — спросила она.

— Вряд ли. У них ремонт. Они еще в апреле предупредили, что отдадут ключи двадцать пятого. Я и не собиралась никого торопить.

Мамина однокомнатная квартира досталась мне семь лет назад. Я знала каждый скрип ее паркета, но давно воспринимала это жилье как строчку в ежемесячных расчетах: аренда, коммунальные, мелкий ремонт. Теперь от одной мысли, что через несколько недель у меня будет куда поставить зубную щетку, немного отпускало грудь.

— Значит, до двадцать пятого, — сказала Оля. — У меня просьба: если встаешь раньше, чайник ставь сразу полный. Я просыпаюсь от запаха кофе, а ждать потом ненавижу.

— Я буду платить половину продуктов и коммунальных за это время.

Она поморщилась.

— Коммунальные от тебя не удвоятся.

— Но я не хочу...

— Знаю. Продукты пополам. И купи наконец нормальную губку для посуды. Я сама забываю.

— Можно я иногда приготовлю ужин?

— Иногда можно. Ежедневный пансион мне не нужен. Я во вторник прихожу в десять, ем творог и разговаривать не умею.

Это было лучше утешений. Я узнала, на какую полку поставить крем, когда Оле нужно тихо, в какой день она стирает. Мы обсудили жизнь, в которой я уже присутствовала, пусть временно.

Она положила передо мной бутерброд.

— Деньги есть?

— Сто сорок тысяч на моем счете. Из общих. Мы оставляли на текущие расходы после свадьбы.

— Тогда не считай, что у тебя три рубля и бездна.

Я действительно уже считала. Ночью в голове возникали аренда, еда, таблетки, дорога, адвокат. Потом я вспоминала свою квартиру и снова проваливалась в другое: там жили люди, в

шкафу оставался мамин старый плед, на кухне надо было когда-нибудь заменить столешницу. Как будто от столешницы зависело, сумею ли я прожить следующий месяц.

Телефон лежал рядом с чашкой. В свадебном чате было сто восемьдесят семь непрочитанных сообщений. Я не открыла его. Написала Алисе: «Вы во сколько вылетаете?»

Ответ пришел через минуту: «В 14:20».

Я пожелала хорошей дороги. Она прислала сухое «спасибо».

Оля видела, как я убрала аппарат, но промолчала. Вместо этого спросила, поедет ли со мной за вещами.

— Не надо. Я сначала сама. Заберу документы и одежду. Остальное потом.

— Он дома?

— Сейчас узнаю.

Виктор ответил на сообщение сразу: «Дома. Жду».

Я помыла чашку, надела Олины джинсы и одолженную у нее белую блузку. Джинсы оказались коротковаты. Подруга уверяла, что так и носят, а я не могла отделаться от ощущения, что выросла за ночь и одежда перестала подходить.

У двери она сунула мне ключи.

— Верхний замок заедает, приподними ручку. И не тащи все сразу, как на пожаре.

Я взяла связку. Чужой ключ был маленьким, с зеленой пластиковой головкой. На ладони рядом с нашими тяжелыми ключами он выглядел детским.

В подъезде пахло той же краской, что и неделю назад. Сосед с пятого этажа придержал лифт и спросил, как прошла свадьба.

— Красиво, — сказала я.

— Молодым счастья.

— Спасибо.

До своей двери я дошла почти спокойно. Потом увидела на коврике крошку белого крема, засохшую возле порога. Вероятно, кто-то принес коробку с тортом. Я уставилась на нее и достала ключи не с первого раза.

Виктор открыл изнутри. На нем были домашние брюки и серая футболка, которую я купила перед прошлым отпуском. Привычный вид ударил сильнее, чем чужое имя на карточке. Вчера он был мужчиной в дорогом костюме рядом с другой женщиной. Сегодня — мужем, у которого на плече загнулся край воротника.

Я не поправила.

— Проходи, — сказал он. — Кофе будешь?

— Я пила.

В прихожей стояли пакеты со свадебными подарками, которые молодые не успели увезти. На кухне действительно лежала коробка с тортом. Кусок с белым кремовым цветком был нетронут.

— Алиса оставила тебе, — сказал Виктор, проследив за моим взглядом.

Я кивнула. Он ждал другого ответа, но я прошла в маленькую комнату.

На столе осталась тарелка с двумя булавками. В пятницу я подшивала подол платья Ларисы Олеговны: та решила сменить туфли, и длина перестала подходить. Шпильки лежали по цветам. В кресле, где я провела несколько бессонных ночей, была вмятина от подушки.

Я открыла шкаф и вытащила дорожную сумку. Виктор остановился в дверях.

— Давай сначала поговорим.

— Говори.

Я положила на кровать нижнее белье. Раньше при постороннем мужчине я бы смутилась. Сейчас смущение пришло запоздало, и именно оно помогло: я поняла, что начинаю воспринимать Виктора как человека, при котором не хочу открывать ящики.

— Ты меня вчера очень подвела, — сказал он.

Я расправила сложенный топ.

— Я?

— Не цепляйся к словам. У людей был праздник. Мы договорились.

— Что Софья не придет.

Он убрал руки в карманы.

— Ситуация изменилась. Она тоже человек.

— Да. А я?

— Не начинай.

Я положила топ в сумку и обошла кровать, чтобы выдвинуть нижний ящик. Виктор отступил, освобождая проход. Это было так похоже на наши обычные утренние движения, что на секунду захотелось остановиться: сесть с ним на кухне, выпить кофе, спросить, что будем делать летом. Пусть на минуту все снова станет понятным.

— Ты сказал ей, что я согласна на ее приход? — спросила я.

— Я не обязан пересказывать тебе наши разговоры.

— Тогда и мои разговоры с Олей обсуждать не будем.

Он нахмурился.

— Я не враг тебе, Наташа. Ты почему так себя ведешь?

— Я складываю носки.

Муж посмотрел на мои руки. В них действительно была пара темных носков, растянувшихся на пятках. Нелепая подробность на фоне двадцати четырех лет брака. Я засунула их в сумку, а потом достала обратно: зачем брать вещь, которую собиралась выбросить еще в марте?

— Вот видишь, — сказал Виктор уже мягче. — Ты сейчас сама не знаешь, чего хочешь. Поживи спокойно. У нас три комнаты, я тебя никуда не гоню.

— Я не хочу жить с тобой.

— Никто не предлагает тебе супружеских обязанностей.

Я подняла голову. Он, кажется, понял, как это прозвучало, и потер ладонью затылок.

— Я не это имел в виду. Просто зачем устраивать переезды? У тебя есть квартира. Освободится — перейдешь туда.

— До этого я поживу у Оли.

— У нее своя жизнь.

— Мы договорились.

Он несколько секунд смотрел на меня, потом вышел на кухню. Я услышала, как щелкнула кофемашина. У Виктора была привычка включать ее сразу после неприятного разговора, словно горечь во рту требовалось перебить другой горечью.

Я собрала повседневные платья, две пары брюк, удобные туфли. Рука потянулась к коробке с фотографиями, но я оставила ее. Сегодня не хватило бы сил рассматривать, сортировать и решать, кому достанется бумажная девочка с косичками на первом школьном звонке.

В спальне на моей тумбочке стояла баночка крема. В ванной висел мой халат. Я ходила по квартире и находила себя маленькими частями, расставленными так, чтобы было удобно другим: зарядка возле его кресла, мои ножницы в его рабочем ящике, запасная косметичка в шкафчике с лекарствами.

Потом открыла папку с документами.

Свидетельство о браке лежало в прозрачном файле. Дата — двадцатое апреля две тысячи второго года. Я помнила дождь, испорченные замшевые туфли, Виктора с букетом, завернутым в газету, потому что упаковка промокла. Он тогда смеялся, целовал меня у двери и говорил, что все теперь будет вдвоем.

Я вытащила свидетельство и положила к паспорту.

— Это зачем? — спросил Виктор от порога.

Я не услышала, как он вернулся.

— Для развода.

Его лицо изменилось едва заметно. Я не могла понять, чего он ожидал: что заявление принесет он сам, что я стану просить подождать, что еще какое-то время мы будем обходить это слово.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, оформим. Алиса взрослая, проблем нет.

Проблем нет. Я провела пальцем по краю файла, где пластик давно порвался.

— Давай в пятницу, — предложила я. — Пятого июня.

— Посмотрю по времени.

— Посмотри. И напиши сегодня.

Он коротко кивнул.

— Имущество тоже надо решить, — добавила я.

Виктор прошел в комнату, сел на край кровати. Сумка между нами осталась открытой.

— Я думал, тут все очевидно. Ты забираешь свою квартиру. Я остаюсь здесь. Дачу продаем, помогаем детям. Машина мне нужна. На первое время дам тебе денег.

Я опустилась на стул возле машинки. Сидя стало проще дышать.

— Моя квартира и так моя. Она от мамы.

— Никто не спорит. Я в нее тоже вкладывался, но считать каждую копейку не собираюсь.

— Мы поменяли там смеситель и холодильник. Холодильник оплачивала я из аренды.

— Ты теперь все записывать будешь?

Я посмотрела на папку. Считать я всю жизнь умела: ткань, деньги до аванса, количество гостей, коробки при переезде. Только в таких разговорах считала это чем-то мелочным.

— Сначала поговорю с юристом, — сказала я.

Он выпрямился.

— С каким юристом?

— По семейным делам.

— Ты действительно хочешь превратить нормальный развод в войну?

Я подняла с пола упавшую футболку. На ее спине осталась полоска от края шкафа.

— Я хочу понимать, о чем договариваюсь. Никакие бумаги сегодня подписывать не буду.

— Наташа, ты прекрасно знаешь, кто все эти годы зарабатывал.

Я знала. Помнила его командировки и ночные звонки. Помнила, как он однажды вернулся с температурой и все равно собирался утром на работу. И помнила свой диплом, запертый в этой папке; швейную машинку в грузовике с вещами; места, где работу надо было искать заново, пока у мужа уже было назначение.

— Знаю, — сказала я. — Именно поэтому сначала посоветуюсь.

Он встал.

— Как хочешь. Только не удивляйся расходам.

Я положила в папку документы на мамину квартиру, сфотографировала бумаги на общую. Виктор наблюдал. Он не мешал, не отбирал, не повышал голоса. От этого каждое движение казалось проверкой на то, не передумаю ли я сама.

Когда застегнула сумку, заметила, что забыла домашние тапочки. Они стояли под его стороной кровати. Я встала на колени, достала их и отряхнула подошвы ладонью.

— Машинку тоже заберу, — сказала я, поднимаясь.

Виктор посмотрел на стол в маленькой комнате.

— Куда ты ее денешь у Деминой?

— Мы найдем место.

— Она тяжелая. Я сейчас занят, у меня через час встреча.

— Я не прошу сегодня.

В прихожей он помог мне поднять сумку. Я сказала спасибо, потому что он действительно помог. Потом надела туфли, взяла свою связку ключей и закрыла за собой дверь.

Лифт ехал слишком долго. На третьем этаже в него вошла женщина с коляской, и мне пришлось прижать сумку к ногам. Ребенок схватил болтавшийся ремешок; мать осторожно разжала его пальцы.

— Все ему надо потрогать, — сказала она, улыбаясь.

Я улыбнулась в ответ и придержала дверь, пока женщина выкатывала коляску.

К вечеру воскресенья Олина квартира стала похожа на склад, хотя вещей я привезла немного. Сумка перегородила проход между диваном и шкафом, пакет с обувью занял место пылесоса, а документы я положила на единственный свободный угол письменного стола.

— Машинку сюда, — решила Оля, сдвигая стопку каталогов. — Только в десять вечера не строчи. Соседка снизу считает, что я хожу в деревянных сабо. Боюсь, теперь ей послышится бронетранспортер.

— Она современная. Относительно. Не грохочет.

— Это ты ей скажешь. Соседке.

Я провела ладонью по столешнице. На большом столе у нас дома можно было разложить детали платья. Здесь хватало места только для машинки и лампы. Оверлок придется ставить и убирать. Ничего страшного, говорила я себе. Почти месяц можно прожить и так.

Но мне было стыдно, что я занимаю слишком много места.

Оля присела на край дивана.

— Ты сейчас опять начнешь предлагать все отвезти в гараж?

— Нет.

— Хорошо. Потому что гаража у меня нет.

Я засмеялась. Она улыбнулась, но тут же потеряла шею.

— И еще. Я сегодня хочу полчаса побыть одна. Ты не обижайся. Я не от тебя устала, просто воскресенье кончилось, а я даже ногти не подпилила.

Я ощутила мгновенный укол, хотя ее слова были совершенно нормальными. Обычно я сама угадывала, кому пора дать отдохнуть, и исчезала раньше, чем меня просили. Здесь меня попросили прямо — и оказалось, что мир не рушится.

— Пойду за губкой, — сказала я.

— За двумя. Чтобы у нас была роскошь выбора.

В магазине я набрала продукты, которые любил Виктор: зернистую горчицу, его хлеб, обезжиренный творог. У кассы заметила и вернула горчицу на полку. Творог оставила — Оля ела его по вторникам. Хлеб купила другой, мягкий, с семечками. Я давно его не брала: муж говорил, что от семечек потом весь стол в крошках.

На обратном пути пришло сообщение от Андрея: «Как добралась вчера, знаю. Как сегодня?»

Я остановилась у лавочки, где пожилой мужчина развязывал узел на поводке своей собаки. Напечатала, что забрала часть вещей. На его следующий вопрос — нужна ли помощь с перевозкой — ответила не сразу.

Потом все-таки позвонила.

— У меня машинка и оверлок, — сказала я после приветствия. — И коробка тканей. Такси можно вызвать, конечно, но одной все это...

— Когда забираем?

Я услышала у него на заднем плане шум воды.

— Ты занят?

— Руки мою. Сажал куст, теперь половина участка у меня под ногтями. Когда тебе удобно?

Мы договорились на понедельник, в шесть вечера. Я уточнила, что Виктор будет дома, и замолчала, ожидая ответа.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Напиши, если время изменится.

Он не спросил, знает ли муж, не попросил согласовать с ним. Но и ничего торжественного в его тоне не было: обычная просьба перевезти тяжелую вещь.

Виктор на мое сообщение ответил коротким «ладно». Потом добавил: «В пятницу могу в 11».

Я записала время на листке, положила его в папку. Пятое июня. Одиннадцать часов. Под строкой оставалось много белого места, и я чуть не приписала список продуктов по привычке.

В понедельник машинка не желала отрываться от стола. Я сняла катушку, вытащила нитку, убрала педаль в отдельный пакет. Каждое движение было знакомым: так мы собирали ее при переездах. Обычно я маркировала коробки, чтобы после грузовика найти нужное, а Виктор руководил мужчинами у двери. Теперь он стоял возле окна и смотрел, как я завязываю ручки пакета.

— Оставь пока, — сказал он. — Заберешь, когда въедешь к себе.

— Мне нужно работать.

— У тебя всегда были небольшие заказы. Могла бы и сюда приходить.

Я подложила под крышку кусок ткани, чтобы пластик не стучал о корпус.

— Не могла бы.

Он отвернулся. Внизу хлопнула дверца машины.

Андрей пришел без костюма, в светлой рубашке с закатанными рукавами. На предплечье тянулась свежая царапина. Я заметила ее, потому что он взялся за коробку с оверлоком именно этой рукой.

— Что тяжелее? — спросил он.

— Машинка. Там килограммов двенадцать. А коробку снизу держи, картон старый.

Виктор вышел в прихожую.

— Привет, — сказал он. — Ты теперь переездами занимаешься?

Андрей выпрямился. Друзья пожали руки, но разговор не потек дальше, как раньше, сам собой. Я стояла между ними с длинным деревянным лекалом в руках и внезапно ощутила себя школьницей, вызванной к двум взрослым.

— Наташа попросила помочь, — ответил Андрей.

— Она и меня могла попросить.

— Ты вчера сказал, что занят, — напомнила я.

— Вчера. Сегодня другой день.

Я посмотрела на него. Еще месяц назад начала бы объяснять, что не хотела беспокоить, что Андрей как раз оказался рядом, что все это случайность, никого не обязывающая. Сейчас Андрей стоял молча, и мне пришлось самой выдержать неприятную паузу.

— Я уже договорилась, — сказала я. — Спасибо.

Виктор взял коробку с тканями.

— Это хоть я донесу.

Мы вышли втроем. В лифте было тесно. Андрей держал машинку, Виктор — коробку, я прижимала к груди оверлок и пакет с педалями. Деревянное лекало уперлось в зеркало. Все трое смотрели на светящиеся цифры над дверью.

На первом этаже Андрей переставил машинку на пол и взял у меня оверлок. Я не возражала. Пальцы уже сводило от неудобной ручки.

У машины Виктор поставил коробку в багажник, поправил сдвинувшуюся крышку.

— Ты бы зашел как-нибудь, — сказал он Андрею. — Нормально поговорить.

— Созвонимся.

— А то какие-то странные встречи получаются.

Андрей кивнул. Ни подтверждения, ни шутки, которой можно было бы все смягчить.

Виктор повернулся ко мне.

— Ключи оставишь?

Я посмотрела на его вытянутую руку. Еще вчера он предлагал жить до конца июня. Сейчас я не понимала, просил ли он освободить квартиру окончательно или просто хотел проверить, готова ли я сделать следующий шаг.

— Не сегодня. У меня еще есть вещи. Я буду предупреждать, когда приду.

Он опустил руку.

— Как знаешь.

Мы сели в машину. Андрей пристегнулся, но не стал сразу трогаться: во дворе мальчик катил перед собой футбольный мяч, не глядя по сторонам. Виктор остался у подъезда. Я видела его в зеркале, пока мы не повернули за угол.

— Неудобно получилось, — сказала я.

— Тебе?

— Всем.

Андрей провел ладонью по рулю.

— Мне бывало удобнее. Но коробки от этого тяжелее не стали.

Я усмехнулась и сразу почувствовала вину: Виктор оставался его другом, а я словно ждала, что сейчас они перестанут дружить в мою пользу.

— Я не хочу, чтобы ты из-за меня...

— Наташа, — перебил он, — вы с Витей разберетесь между собой. Я тоже с ним сам разберусь, если понадобится. Ты попросила отвезти машинку. Мы ее везем.

Я замолчала. Это не было ни обещанием вечной поддержки, ни отказом от друга. И оттого не требовало благодарности, которой у меня сейчас не хватило бы.

У Оли лифта не было. Андрей поднял тяжелый чехол на третий этаж, вернулся за коробкой и на второй ход уже дышал заметно чаще. Я попросила его оставить ткани мне.

— Тут не больше пяти килограммов, — сказала я.

— Согласен. Героизм отменяется.

На последнем пролете я остановилась передохнуть. Он стоял выше, придерживая дверь, и терпеливо ждал. Никто не подгонял; никто не говорил, что следовало взять другой пакет или заранее освободить руки.

Оля встретила нас на площадке.

— Мужчина с техникой, — сказала она. — Давно у меня таких не было. Чай будете?

Андрей посмотрел на часы и отказался.

— Еще на объект заехать. Там рабочие обещали к семи все закрыть, я хочу увидеть это чудо.

Он поставил машинку на стол, помог снять чехол. Я включила вилку в розетку, нажала педаль. Мотор коротко загудел. Тонкий звук наполнил комнату, и я неожиданно улыбнулась.

— Работает, — сказал Андрей.

— Конечно. Она крепкая.

— Я не сомневался.

Он ушел, а я еще несколько минут раскладывала инструменты. Ножницы справа, магнитная игольница слева, сантиметр на крючок. В чужой комнате появилось маленькое место, где мои руки знали, что делать.

Алиса позвонила после восьми. Я сидела у окна с платьем постоянной заказчицы: перед свадьбой успела распороть боковой шов, теперь нужно было закончить к четвергу.

На экране возникло море, слишком яркое и неровное. Потом лицо дочери, влажные волосы, полотенце на плечах.

— Мам, привет. Ты занята?

— Немного. Вы устроились?

— Да. Номер маленький, но вид красивый. Смотри.

Она повернула телефон. Я увидела узкий балкон, два пластиковых стула, кусок зеленого склона. Денис на заднем плане открыл бутылку воды и помахал мне.

— Здравствуйте, Наталья Сергеевна.

Я ответила. Алиса снова повернула камеру к себе.

— Слушай, у меня белая блузка вся мятая. В номере утюга нет. Если я повешу в ванной, пока душ включен, поможет?

Я посмотрела на раскрытое платье у себя на коленях.

— Если там вискоза — немного. Но лучше спросить утюг на стойке. Не держи вещь над горячей водой, останутся пятна.

— Ага. Еще хотела спросить: свадебное платье в чехле у вас осталось, да? Ты его потом отнесешь почистить?

Обычные вопросы. Она задавала их мне всю жизнь. Где паспорт, чем вывести пятно, какую куртку надеть, если ночью обещают дождь. Я отвечала, и между ответами незаметно проходило все, о чем мы не хотели говорить.

— Платье у папы, — сказала я. — Позвони ему. Адрес химчистки я тебе пришлю.

Алиса убрала улыбку.

— Ты дома не бываешь?

— Я живу у Оли. Ты знаешь.

— Я думала, ты переночевала. Денис сказал, вы вещи возили.

— Сегодня забрала машинку.

Она помолчала, провела ладонью по мокрым волосам.

— Папа говорит, ты на него совсем взъелась.

Я положила иглу в игольницу. Она попала не в середину, как обычно, а в самый край.

— Алиса, я не буду обсуждать с тобой, что папа обо мне говорит.

— А с кем мне обсуждать? Вы оба мои родители.

— Можешь говорить со мной о себе. Или о том, что было между нами с тобой.

— Мам, ну мы же сейчас отдыхаем.

Я кивнула. Дочь вздохнула с облегчением, словно я только что разрешила ей не сдавать трудный экзамен.

— Фотограф уже прислал первые кадры, — быстро сказала она. — Там такие красивые! Я тебе отправлю, ладно? Где мы с Денисом на лестнице, вообще как в журнале. Только волосы у меня с одной стороны...

— Я пока не буду их смотреть.

Она осеклась.

— Почему?

— Мне тяжело, Алис.

— Но это же не те фотографии. Там нас двое. Ты и наши теперь не хочешь?

Вопрос попал точно. Я уже открыла рот, чтобы исправить все: конечно хочу, присылай, я посмотрю, вы прекрасные, не расстраивайся. Потом увидела свое отражение в темном участке окна. Женщина с поджатыми губами, которая держит телефон так крепко, будто от этого зависит чужое благополучие.

— Хочу. Позже. Я скажу тебе, когда смогу.

Дочь смотрела на меня несколько секунд. За ее спиной Денис беззвучно закрыл балконную дверь.

— Ладно, — сказала она. — Не буду мешать.

— Ты не мешаешь.

— Мам, я поняла. Пока.

Экран погас. Я осталась сидеть с телефоном в руке. Оля, которая все это время читала в соседней комнате, не вышла. В открытом дверном проеме я видела край ее кресла и руку с книгой. Я была благодарна ей за это еще сильнее, чем за субботний пирог.

Через несколько минут прислала дочери адрес химчистки. Добавила, что на платье нельзя соглашаться на обработку без проверки кружевного края. Потом сама удалила длинное объяснение про состав ткани: работники разберутся, Алиса может спросить.

Платье на коленях требовало внимания. Я расправила шов, но глаза не различали мелкие стежки. Отложила работу и взяла телефон снова, на этот раз открыв контакт Марины Давыдовны.

На рабочие сообщения она отвечала коротко и всегда просила писать заранее. Я набрала: «Марина Давыдовна, добрый вечер. Это Наталья Воронцова. Вы в апреле спрашивали, могу ли я выходить в ателье несколько дней в неделю. Предложение еще в силе?»

Ответ пришел через десять минут, когда я уже успела придумать три причины, по которым ей не следовало брать меня.

«Приходите завтра к десяти. Работы много. Условия обсудим на месте».

Я перечитала сообщение. Ни жалости, ни вопросов о Викторе. Только время, адрес, работа.

На столе возле машинки лежал сантиметр. Я скатала его, убрала в карман сумки, потом достала свой диплом. Не знала, понадобится ли он Марине Давыдовне, которая и так видела мои работы, но хотела взять.

Оля заглянула в комнату.

— Чай?

— Завтра иду в ателье. К десяти.

Она посмотрела на разложенные инструменты.

— Тогда давай уж чай. И ложись раньше. У меня будильник способен поднять мертвого, но только с третьего раза.

Я убрала платье заказчицы в чехол. В блокноте записала: «Вторник. Десять». Под этой строкой добавила имя клиентки и срок — четверг. Места на странице еще хватало.

Глава 3. Цена моего времени

Во «Второй примерке» пахло горячей тканью, мелом и кофе, который давно простоял на подогреве.

Я пришла без десяти десять и пять минут ходила мимо витрины. На манекене было зеленое платье с плохо уложенной складкой возле пояса. Мне хотелось войти и поправить ее, но еще сильнее — пройти дальше, написать Марине Давыдовне, что планы изменились, и вернуться к двум домашним заказам, где никто не оценивал, сколько я успеваю за день.

Потом изнутри открыли дверь.

— Воронцова, вы что, витрину охраняете? — спросила Марина Давыдовна. — Заходите. Только руки сразу помойте, у нас белое на раскрое.

Я вошла и почувствовала себя моложе лет на двадцать. Не внешне: колени остались моими, и виски после бессонной ночи болели тоже по-настоящему. Просто знакомый рабочий голос выдернул меня из бесконечной семейной беседы, где каждый ответ требовал оправдания.

Марина Давыдовна Лисова была полной, коротко стриженной женщиной с очень ясными глазами. Она никогда не носила сантиметр на шее — говорила, что тот портит посадку блузки, — и могла на ощупь определить, куда уйдет перекошенная подкладка. Мы познакомились несколько лет назад через заказчицу; иногда она отдавала мне сложную ручную отделку, когда ее мастерицы не успевали.

Сегодня на ней был темно-синий костюм без единой нитки на рукавах. Это казалось невероятным в помещении, где обрезки нитей прилипали даже к чайным чашкам.

— Давайте про деньги, — сказала она, когда я вытерла руки. — За смену вот столько. Сложные вещи считаем отдельно, процент ваш здесь. Материалы ателье, кроме того, что приносит клиент. Дома можете продолжать свои заказы, только не обещайте им наши рабочие часы.

Она пододвинула лист с цифрами. Я изучила его слишком быстро и кивнула.

— Вы еще раз посмотрите, — сказала Марина Давыдовна. — Потом будем меньше расстраиваться друг из-за друга.

Я перечитала. Спросила, как учитываются повторные примерки и переделка, если клиент меняет пожелания. Она ответила обстоятельно, без раздражения. Мы договорились на три смены в неделю, затем посмотрим по загрузке. Первый день оплачивался, как остальные.

— Мне в пятницу нужно выйти на полтора часа, — сказала я. — К одиннадцати.

— Заранее записали — решим. По какому поводу, знать не обязательно.

— Развод.

Слово выскочило само. Я разозлилась: зачем принесла это и сюда?

Марина Давыдовна слегка жала губы.

— Понятно. Тогда в пятницу оставим вам только вторую половину дня. Если понадобится поменять — скажете. А сегодня у нас брючный костюм, два платья и прекрасный человек, который считает, что молния обязана расширяться вместе с ним.

Она показала мое место. Машинка была другой модели, педаль чувствительнее домашней. Я сделала пробную строчку на лоскуте, распустила ее, настроила натяжение. Руки постепенно перестали дрожать.

У соседнего стола работала Света, молодая рыжая женщина с крошечными серебряными ножницами в ушах. Она кивнула мне, не прерывая строчку.

— Чай черный в синей коробке, зеленый в жестянке, — сообщила она. — Кофе пить можно, но лучше после зарплаты купить свой.

— Светлана, — отозвалась Марина Давыдовна из-за стойки, — я слышу.

— Я на это и рассчитывала.

Я улыбнулась. В этом помещении люди могли быть недовольны друг другом и продолжать работать рядом. Никто не считал каждое замечание началом семейной катастрофы.

Первая клиентка пришла в одиннадцать. Елена Петровна собиралась на юбилей сестры и принесла платье, которое купила через интернет. На фотографии оно было свободным и струящимся. В примерочной рукава натягивались на плечах, а боковые швы уходили вперед.

— Может, я поправилась, — сказала она сердито, глядя в зеркало. — Но не за четыре же дня!

— Дело не в четырех днях. Здесь плечо длиннее, чем вам нужно. Можно заколоть?

Она кивнула. Я попросила опустить руки, перенесла булавку, выровняла ткань по спинке. Лицо клиентки изменилось: она перестала втягивать живот.

— Вот теперь похоже на картинку.

— Будет немного иначе. На картинке тоньше ткань. Но сидеть станет лучше.

Я отметила мелом линию. Елена Петровна оживилась, повернулась боком, спросила, нельзя ли заодно сузить рукава. Я сказала, что можно. Потом она заметила длину, потом попросила заменить крючок у горловины — этот цеплялся за волосы.

Все было небольшим. По отдельности.

— Это же вам пять минут? — спросила она, касаясь застежки.

— Там еще подкладка, — ответила я, но уже кивнула.

Клиентка ушла довольной. Я принесла вещь на стол и начала распарывать плечи. Через час поняла, что подкладку придется почти полностью отсоединить сверху. Еще через полчаса Марина Давыдовна спросила, почему я не взяла брюки, которые должны были забрать после обеда.

— С платьем больше работы, чем я думала.

Она посмотрела на квитанцию.

— Тут плечи и боковые. Зачем вы распустили рукав?

Я объяснила. Марина Давыдовна взяла стул, села рядом и молча перевернула квитанцию чистой стороной вверх.

— Сколько времени займет все, что вы ей обещали?

— Часа четыре. Может, пять.

— А оплачено сколько?

Я не ответила.

— Наталья, вы хорошо видите посадку. И делаете аккуратно. Я вас для этого позвала. Но если вы подарите клиенту половину рабочего дня, брюки за вас закончит Света. Получается, вы дарите еще и ее время.

Я посмотрела на соседний стол. Света подняла глаза, пожала плечом.

— Мне не жалко один раз. Но я в шесть ребенка забираю.

Стыд был неожиданно острым. Не за то, что я не успела, а за то, что моя привычная щедрость оказалась чужой лишней работой.

— Я доделаю брюки, — сказала я.

— Доделаете. А клиентке позвоните и уточните цену за дополнительные изменения.

Я взглянула на телефон.

— Я же уже сказала...

— Да. Поэтому звонок будет неприятным. Следующий окажется проще, если не придется исправлять обещание.

Марина Давыдовна ушла к стойке. Я еще минуту сидела, глядя на номер в квитанции. Потом позвонила.

Елена Петровна действительно была недовольна. Спросила, почему сразу не предупредили. Я сказала, что ошиблась, когда не посчитала работу полностью. Предложила оставить первоначальный объем либо согласовать изменения.

— Крючок я сама пришью, — отрезала она. — Рукава оставьте. Только чтобы не получилось хуже.

— Мы их пока не изменили. Сделаем, как записано.

Закончив разговор, я обнаружила, что вспотела сильнее, чем во время вчерашнего переезда. Света пододвинула мне жестянку с зеленым чаем.

— Этот без последствий, — сказала она.

К шести я закончила брюки, подготовила платье к новой примерке и подписала свою первую рабочую квитанцию. За день никто не спросил, кто мой муж. Марина Давыдовна только напомнила про пятницу и велела не забывать выключать лампу.

По дороге к Оле я купила два яблока и пакет хорошего кофе. На кассе долго искала карту, потом вспомнила, что деньги на ней есть. Небольшая покупка не требовала никакого объяснения.

К Ирине Валерьевне Соколовой я записалась по рекомендации Олиной знакомой. Не приятельницы, которая «все решит», а женщины, чей развод действительно вел этот юрист. Мне понравилось, что по телефону сначала называли стоимость консультации, а потом спросили, какие документы я могу принести.

В среду я сидела в маленьком кабинете с папкой на коленях. На подоконнике рос фикус, на стене висел календарь с отмеченными выходными. Ничто здесь не выглядело местом, где заканчиваются семьи.

Ирина Валерьевна выслушала меня и спросила:

— Вы хотите расторгнуть брак или пока понять варианты?

— Расторгнуть.

— Муж согласен?

— Да. Мы собираемся подать заявление в пятницу.

— Несовершеннолетних детей нет?

Я сказала, сколько лет Алисе. Про свадьбу начала было рассказывать, но остановилась. Юрист не торопила.

— Это имеет значение? — спросила я наконец. — Что он привел туда другую женщину.

— Для вас — конечно. Для порядка расторжения брака и раздела имущества обычно важны другие обстоятельства. Давайте отделим то, что вам нужно пережить, от того, что мы можем оформить.

Мне стало немного обидно. Хотелось, чтобы в мире существовала строка, куда можно вписать унижение за семейной фотографией, и кто-нибудь признал бы ее не менее настоящей, чем номер квартиры.

Но Ирина Валерьевна уже разложила бумаги, и я начала отвечать.

Наша общая квартира была приобретена в браке. Машина тоже. Дачу мы покупали, когда Алиса училась в начальной школе. Долгов, которые требовалось делить, не было. На счетах оставались накопления; часть лежала у Виктора, часть — на моем счете. Сто сорок тысяч, о которых я говорила Оле, тоже нужно было учитывать.

— То есть мне нельзя ими пользоваться? — спросила я.

— Пользоваться деньгами на жизнь и работу вы можете. Но не нужно считать их исчезнувшими из общей картины. Сохраняйте выписки. Мы будем обсуждать весь состав имущества и уже полученные суммы.

Я записала. Юрист спросила про мамину квартиру. Посмотрела документы о наследстве, уточнила, были ли большие совместные вложения.

— Смеситель, — сказала я. — И холодильник. Но холодильник из аренды.

Она подняла на меня глаза, подождала, не добавлю ли я что-нибудь еще, потом отодвинула эту папку отдельно.

— Хорошо. Это ваше наследственное имущество. Не нужно принимать его как подарок мужа при разводе.

Я медленно кивнула. Когда то же самое говорила себе я, мне казалось, что я придираюсь.

— Он предлагает продать дачу и купить квартиру дочери, — сказала я.

— Вы согласились?

— Мы раньше обсуждали помощь. Вообще. Когда они поженятся. Я не говорила, что отдам все, что мне положено.

— Значит, это нужно уточнить. Желание помочь взрослому ребенку не заменяет конкретной договоренности.

Мы еще некоторое время говорили о порядке действий. Без перечня статей, от которого я бы только растерялась. Сначала заявление о разводе, отдельно — переговоры об имуществе, затем оценка и соглашение, если сможем договориться. Если не сможем, у меня оставались другие пути, но начинать с угроз не требовалось.

— А если он скажет, что я все эти годы не работала?

Ирина Валерьевна посмотрела на мои руки. Под ногтем остался белый мел, который я не заметила утром.

— Вы работали?

— Дома. Шила. Но это не сравнить с его доходами. И были периоды, когда я только дочерью занималась.

— Мы будем говорить о совместно нажитом имуществе, а не выдавать премию тому, у кого выше зарплата.

Я записала и эту фразу, хотя она не была пунктом плана. Потом закрыла блокнот.

— Мне кажется, я становлюсь жадной, — призналась я.

Юрист не стала меня утешать. Спросила, сколько я зарабатываю теперь, какие у меня ежемесячные расходы, как долго смогу жить на доступные деньги. Пока я отвечала, слово «жадная» становилось все менее удобным объяснением происходящего.

Перед уходом Ирина Валерьевна вручила мне список документов.

— В разговоре с мужем держитесь конкретных предложений. Не обязаны решать все за один вечер.

Я вышла на улицу и увидела в телефоне сообщение Виктора: «Ты все узнала?»

Написала: «Да. В пятницу подаем заявление. Имущество обсудим отдельно, после оценки и консультаций».

Он ответил через несколько минут: «Понятно, тебя уже настроили».

Я стояла у пешеходного перехода с папкой, прижатой к груди. Загорелся зеленый. Люди двинулись вперед, и мне пришлось убрать телефон, чтобы идти вместе с ними.

В пятницу Виктор приехал раньше меня. Стоял у входа, разговаривал по телефону и держал под мышкой папку, которую я приготовила ему еще зимой для каких-то документов. Увидев меня, коротко попрощался с собеседником.

— Не опоздала, — сказал он.

— Еще десять минут.

Он кивнул, словно именно это и имел в виду. Мы поднялись по ступеням вместе.

Внутри сидела молодая пара. Девушка в джинсовой куртке рисовала пальцем круги на ладони мужчины, а тот старался поймать ее палец. Я отвела глаза. Виктор смотрел в телефон.

В кабинете нас попросили проверить сведения. Фамилия, имя, отчество, дата рождения. Вся наша жизнь оказалась настолько аккуратной, что я могла пробежать ее взглядом за несколько секунд.

— Фамилию после расторжения брака сохраняете? — спросила сотрудница.

— Да.

Виктор повернул голову. Я не знала, почему его это заинтересовало. Воронцовой я была двадцать четыре года. На эту фамилию меня знали клиентки, оформлялись документы, приходили письма. Сейчас у меня не было сил менять еще и ее ради символического жеста.

Мы подписали заявление. Сотрудница объяснила, когда прийти для регистрации расторжения брака, уточнила время. Седьмое июля. Я записала его рядом с датой, хотя могла запомнить.

— Все? — спросил Виктор.

— На сегодня все.

Он поблагодарил, пожелал хорошего дня, придержал для меня дверь. Это была та вежливость, которую я любила в нем, когда мы только познакомились: спокойная, не требующая зрителей. И оттого она причиняла почти нелепую боль.

На улице я остановилась, чтобы убрать паспорт.

— Подвезти? — спросил муж.

— Мне в ателье. Я на автобусе доеду.

— Где оно?

Я назвала улицу. Он нахмурился.

— Ты туда устроилась?

— Да.

— Зачем так срочно? Я же сказал, что не брошу тебя без денег.

Мимо прошла та самая молодая пара. Девушка смеялась, уткнувшись мужчине в плечо. Я застегнула сумку.

— Мне нравится эта работа.

— Наташа, я серьезно. Если нужны деньги, скажи.

— Я тоже серьезно.

Он помолчал, потом достал ключи.

— Хорошо. Ты всегда любила возиться с тряпками.

Это не прозвучало как намеренное оскорбление. Похоже, он хотел закончить разговор мирно, сказать что-то одобрительное. Когда-то я бы тоже услышала одобрение. Сейчас вспомнила, как Елена Петровна вчера вышла из примерочной и перестала прятать плечи, как Света подала ей зеркало, как мы вместе нашли решение для упрямой ткани.

— Пока, Витя.

Я не объяснила ему разницу. На остановке подходил автобус, и я пошла быстрее.

В ателье Марина Давыдовна спросила только, успела ли я поесть. Я сказала, что нет. Она велела сначала разогреть суп в подсобке: клиентка на примерку опаздывала на двадцать минут.

Я сидела на табурете с миской чужого супа и слушала, как за стеной работают машинки. Голод появился внезапно, почти мучительно. Оказалось, полдня я думала о разводе, а тело просто хотело еды.

Андрей позвонил в четверг: у него в машине нашлось мое длинное лекало. Оно скользнуло между спинкой заднего сиденья и коробкой с рабочими бумагами. Мы договорились, что в пятницу он занесет его к окончанию моей смены.

Когда он вошел в ателье, я стояла на коленях перед клиенткой и отмечала длину юбки. Поднимать голову было неудобно; я видела сначала ботинки, потом край брюк, потом уже лицо.

— Добрый вечер. Я с возвратом имущества.

Он показал лекало. Света выглянула из-за машинки.

— Это вам, Наталья Сергеевна, огромная линейка приехала.

— Она давно мечтала о личном водителе, — ответила я.

Клиентка засмеялась, юбка качнулась.

— Только не двигайтесь, пожалуйста, — попросила я. — Я сейчас вам одно колено сделаю длиннее другого.

Андрей отошел к витрине. Когда я закончила, он рассматривал зеленое платье на манекене. Складку возле пояса я поправила в первый же день.

— Это ты шила?

— Нет. Только пояс иначе закрепила.

— Стало лучше?

— Было хуже.

— Убедительный профессиональный ответ.

Я улыбнулась. Он протянул мне лекало.

— Тебя подвезти?

Я посмотрела на часы. Смена кончилась, но дома меня ждали недошитое платье и собственные мысли. Оля сегодня задерживалась в магазине.

— У тебя есть время выпить кофе? — спросила я, прежде чем успела передумать. — Тут за углом. Я угощаю, за перевозку станочного парка.

Андрей на секунду замялся. Я уже приготовилась сказать, что ничего страшного, но он кивнул.

— Есть. Только машину переставлю. Там знак, я не планировал долгую стоянку.

Мы встретились у маленькой кофейни, где в витрине лежали пирожные с клубникой. На улице было тепло, однако я выбрала стол внутри, подальше от прохода. Андрей сел напротив, положил телефон экраном вниз.

— Как работа? — спросил он.

Я начала с привычного «нормально», потом рассказала про платье Елены Петровны. Про то, как согласилась на бесплатную переделку и пришлось перезванивать. Андрей слушал, иногда уточнял детали. Не ткань, конечно, а то, почему одно изменение тянет за собой другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.